

A lush garden scene with a wooden house in the background. In the foreground, a young girl with blonde hair, wearing a light blue long-sleeved top and a pink skirt, is walking away from the camera on a stone path. In the middle ground, a man in a light pink suit and a woman in a white top and blue skirt are standing and talking. The garden is filled with various plants, flowers, and potted plants. The house in the background has a wooden exterior and a dark roof.

Прощание с райским садом

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий
Прощание с райским садом

«Автор»

2024

Метлицкий Ф. Ф.

Прощание с райским садом / Ф. Ф. Метлицкий — «Автор», 2024

Они прожили много лет на даче — садовом участке, где прошло детство их единственного ребенка. Но случилась беда. И они оставляют сад навсегда. Начинается новая эпоха. Она откроет такое, чего не ожидал никто.

© Метлицкий Ф. Ф., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	13
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Федор Метлицкий

Прощание с райским садом

*Отсутствие – это дом, такой огромный,
Что внутри вы пройдете сквозь его стены
и повесите картины в воздухе.*

Пабло Неруда

*Скорбь не делает тебя несовершенным.
Она делает тебя человеком.*

Сара Дессен

1

Отпала еще одна область их личного пространства. Этой весной они продали дачу – садовый участок за городом, даже не заехав туда.

Веня Горюнов с женой Катей приехали сюда, чтобы забрать необходимые вещи и окончательно попрощаться.

В жизни Вени, сколько себя помнил, больше, чем встречи, зияли расставания. С ожиданием небывалого будущего – в молодости, когда уехал поступать в университет. Позже – с легкой грустью постепенных утрат чего-то дорогого. А в поздней зрелости – словно сузили жизнь, отрубив все, чем полнокровно жил раньше, в экономии сил и скупости чувств. Но он был заряжен всей гуманистической литературой, стоящей на книжных полках до потолка в его кабинете дома, и на даче. Эта литература слишком широко открыта в мир, и потому он не мог умереть одиноким...

Это был деревянный гулкий дом из бруса, с шиферной крышей, прячущийся в саду, где они проводили каждое лето. Когда-то в сталинские времена выдавали сотки свободы в виде заброшенных участков за городом для постройки дачи. Предки жены таскались туда в каждые выходные дни, строили этот дом, нанимая шабашников, заливавших яму для фундамента тяжелой основой бетона до монолитной подушки, не зная, что строение все равно поведет из-за неустойчивой почвы. Сажали сад – яблони, груши, смородину, цветы вдоль дорожек. Ведь здесь будут жить вечно – дети, внуки, правнуки.

Каждое лето Веня перекапывал участок, знал каждый бугорок и выбоину на земле, еженедельно косил траву, на каждой стареющей яблоне опиливал уже отсохшие края веток и смазывал садовым варом раненые места.

Он из тех упрямец, кто ставит себе задачи, например, по утрам делал физзарядку, отрабатывая полный цикл физических упражнений, многочисленных – на все мышцы и внутренние органы, даже на мозг, и упорно, по целому часу ежедневно, преодолевал преграды физическими усилиями, сколько бы времени не ждали обступившие другие дела, через неволею. Или на даче выкашивал высокую траву на всем участке, стараясь все закончить за один день, или частями за два дня – до ухоженности и чистоты. Хотя она вырастала через неделю снова.

И это без особой причины – он еще молод и здоров. Что это за ослиное упрямство, свойственное определенному типу людей? Что в нем есть побудитель исправить какое-то неравновесие? Свойства личности, по сути, необъяснимы.

Это не совсем то, что в неравновесном состоянии среды людей, полных забот о желудке и уютном тепле, принимающей остальное, «надстройку» – на веру, словно это их собственные убеждения.

Со временем деревянный дом потемнел. Там семья проводила каждое лето, забываясь в зелени сада. Для жены, с малолетства всегда приезжавшей на электричке из большого города, все это великолепие природы было детством. А в Вене это не было чувством родины, но привязанность к привычному месту, которое обживал уже взрослым, приезжая вместе с женой и ребенком сначала на электричке, а потом на собственном автомобиле.

Теперь встает в глазах образ того рая, где он жил с молодой женой, где ковылял за ним его ребенок, пугаясь, что папа исчезнет, где он прожил основную часть жизни.

2

Это было в первые счастливые годы семьи.

Горюнов работал тогда в министерстве – мрачном темно-сером «сталинском» здании с прямоугольными высокими колоннами у входа, куда после окончания университета его "по благу" пристроила теща, бывшая там когда-то начальником отдела, суровая коммунистка с густыми черными бровями, плакавшая после смерти Сталина. Туда невозможно было пройти без пропуска со страшным крабом герба, и трудно даже через бюро пропусков.

Министерство было притягательно, потому что здесь была возможность выехать за границу, где можно быстро обогатиться тем, чего трудно «достать», – дубленку, джинсы, машину. Поэтому его наводнили по оставшимся связям изгнанные после чисток чекисты, работники тюрем и лагерей, всякого рода бывшие начальники расформированных министерств. Наверно потому, что министр был из высокопоставленных чекистов.

Особенно много их было в Управлении по контролю товаров, с филиалами по всей стране и за границей. Они работали экспертами в регионах, а также ездили за рубеж для проверок партий продаваемых нам товаров на месте.

Странно, что тогда существовала такая работа, ведь качество было понятием условным, политическим, и определялось сверху.

—

Отдел контроля качества находился в подвале, в длинной комнате под высоченными круглыми сводами. Эксперты проверяли во всех районах страны качество партий различных товаров, производящихся в Советском Союзе и за границей. Здесь был особый канцелярский дух новой власти, уже устоявшейся и привычной.

Вдоль стен – два ряда столов сотрудников. Татьяна Прохоровна, начальник отдела, сидящая впереди, как бы во главе столов, крупная женщина с ярко накрашенными губами и подевочки веселая, отчитывала эксперта:

– Так нельзя, Пантелей Власович! Я, как юрист, говорю: надо иметь мужество признать ошибки... Мы защищаем с вами неправильную экспертизу. Повторная экспертиза подорвет наш авторитет.

Она встречала Горюнова как сыночка.

– Какой ты худенький!

И, опекая, причитала.

– Что ты у меня бледненький такой?

Кадровик и секретарь партбюро Злобин, громыхая дверцами металлического несгораемого шкафа, добродушно приговаривал:

– У Венюши слишком юное лицо, хотя окончил институт. На нем ничего плохого не отражается.

Он тоже опекает Веню.

– Я его тяну. Старики говорят, молод еще, мало работает. Ишь, за него тут, а он бездельник. Ленив ты, Веня, ох, ленив! Я говорю шефу – первый пункт у нас тут Венюша не выполняет: «Никогда не опаздывай, когда приглашают!» Остальное всегда выполняет, особенно когда выпить приглашают. И не читай за столом... Эх, ты, это же для тебя лучше – за границу легче поехать. Если бы ты был экспертом по качеству, хоть завтра бы тебя оформил...

– Я знаю больше, чем вы думаете, – подыгрывая, ворчал тот. – Премии-то мне вы, вы не дали. За то, что не веду общественную работу. А у меня большая нагрузка, я главный редактор стенгазеты.

– Мм... Да ты... в рабочее время ее выполняешь.

– Как все.

– Вот-вот. Да еще личными делами занимаешься. Кстати, будешь моим заместителем по комсомолу?

Да, в раба превратит. К такому – лучше подальше, затыркает.

Сзади Вени – стол Ларисы, она насмешлива. С горделиво поднятой головой говорила, схватив руками плечи:

– Я страшная трусиха! Кошмары снятся. Хотя в детстве не хотела быть девчонкой, до 15 лет стриглась наголо. Мне подруги доверяют все тайны, я такая – не выдам.

– Брось, – робко отвечал он. – Тебя самую боятся.

Вначале она нравилась. Но та вглядывалась в него.

– В тебе, между прочим, есть что-то лисье, в нижней половине лица. А выше – хорошее лицо.

– Неправда, – засмеялась Прохоровна. – У него и моего сына затылки одинаковые, винюватые.

Лариса разоблачала:

– Раньше ты казался интереснее, но уважения было меньше. Почему? Натянут, напряжен с людьми. Ну, поговоришь с тобой, ты мне любопытен, узнать человека хотелось. А отойдешь, и с облегчением. Я равнодушна к тебе, нет желания видеться. Впрочем, не люблю, когда при-выкаю к людям. Чувствую себя хорошо, сама собой, когда люди новые.

Они были разной крови – она презирала его, якобы, за похотливый взгляд на нее, и тот оскорбленно презирал ее. Она не понимала, почему он так неуклюже, что ли, разговаривает. "Мой Борис толково говорит, и очень округленно, плавно".

Сидящая сзади у двери Лида при первой встрече показалась злой.

– Ты, наверно, порядочный.

Он подтвердил.

– Все вы, мужья... Трудно с вами женщине. Такая природа, что ли?

– Мы разные – сказал он.

– Да, конечно, вы разные.

Она худая, еще привлекательная, с интеллигентной внешностью, закрывая шарфом вялую шею, вполголоса передавала ему сокровенное, когда обычно никого не было рядом (Веня был ее доверенным лицом):

– Да, жизнь... Ждешь, ждешь, а счастья нет. Вышла замуж, так, не по любви. Развелась. Она вздыхает.

– Развелись давно, он женился. И все ко мне приходит. Не могу, говорит, от тебя отвыкнуть. Я ему: «Подонки, не нужен ты мне, чего ходишь?»

Внезапно, с тусклым взглядом и опущенной бессильно душой. Он жалел ее.

– Ты что-то скрываешь. Видно, еще не все кончено у вас.

– Да нет. Из-за него настроение такое бывало, что жить не хотелось. Соседи даже послали заявление в милицию. Меня вызвали: муж бьет? Я испугалась, все-таки милиция. «Да нет, бывают ссоры, так что ж такого...». В общем, выручила. У меня характер такой – всех жалко. А вдруг он в тюрьму сядет?

Она пригорюнилась.

– всю жизнь так. Был один, идем в кино, вдруг кто-то из знакомых навстречу: «Лидка, ты?» И руку на плечо. Он же не знает, что у меня новый. А тот начинает: ты такая сякая... Думала, вот придет счастье – полюблю кого-нибудь, и будет тогда жизнь, а это "пока" – временно. Прожила долгую жизнь, и поняла: и там потеряла, и тут ничего нового не пришло.

Хочется встретить человека, который бы понимал... Моя мечта – боготворить кого-то, изумительного, единственного. Все-все могу отдать, всю себя.

– Ну, допустим, мечта осуществилась, – скрыто иронизировал Веня. – А дальше?

– Всю жизнь буду боготворить.

– И все?

В ее глазах непонимание.

Вслух, при всех, она объявляла:

– Верчусь, вот, на общественной работе. Кружки у меня – ужас работы. Я талантлива во многом, но за что взяться, не знаю. Купила краски, буду снова писать. Или петь. Но – не пробьешься. Перешла в эксперты. Нет, не совсем то, о чем мечтала. Да-а, так все...

Прохоровна осаживала ее.

– Болтаешь, а надо действовать. Вон, Лариса – у нее ребенок, а – язык выучила. А Лиля – консультантом стала, так как занималась, работала.

Рядом с Веней через проход стол Лили. Когда они познакомились в первый раз, она спросила: «Вы пьющий?» И зарделась – сморозила. «Как вы догадались?» – спросил он. Она показала книжечку о психологии алкоголика. «А знаете, вы не кажетесь начитанным», – и в краску. У нее манера: говорить правду, тут же пугаясь откровенности, и собеседник теряется.

Она с красными от слез глазами. У ее деда желтуха, а с ним ее ребенок. Что делать, оставить некому. Шеф следит за всеми, чтобы не уходили раньше.

– Тяжело с родителями. Они с дедом – обвиняют меня. Саша похудел – не кормишь. Саша потолстел – что-то нездоровое. Во всем меня обвиняют. Неужели все такие?

Я бегал к шефу просить за нее. Та вслед:

– Шеф каждого вызывает поодиночке, и поручает следить за приходом сотрудников на работу.

Тот встал, и сурово:

– Я сам у Президиума отпрашиваюсь. Это Прохоровна на вас отрицательно влияет.

Позади стола Прохоровны, впереди Вени, стол Лидии Дмитриевны, члена контрольной комиссии партбюро. Коренастая и крепенькая, она доверительно беседовала:

– На всю жизнь предубеждение против грузин. Без очереди лезут, говорят: «Нам сзади женщин стоять нельзя, мы темпераментные».

И вздыхала.

– Встречалась с Семеном Моисеевичем, из канцелярии. Чуть замуж не вышла. Если бы он не был евреем!

– А что так? – спрашивала Прохоровна.

– Они трусы. Предадут. Без души. В концлагере, в Польше, спровоцировали восстание, а сами в сторонке дрожали. А кто был в партизанах Белоруссии? Не они. Они-то у своей кучки золота. Или банкет устроил Хайм, на какие деньги? Ясно, за всю жизнь такие деньги не заработаешь. Все – аш-баш. Я не антисемитка, но такой у них характер.

Ее не любили, но спастись от ее зоркого взгляда в коллективе было невозможно. Как-то Веня спросил Прохоровну:

– Как вы можете с ней разговаривать?

– А что? – удивилась та. – Она жестока, но с ней интересно разговаривать.

Она напомнила виденную Веней следовательницу, которая с удовольствием трепалась с пойманным бандитом и разбойником.

Эксперт Федоренко вмешался, булькающим голосом, от которого хочется прокашляться:

– А арабы – как намаз, так ружья бросают, подходи и бери их. А по воскресеньям офицеры с оружием – домой, к своим четырем женам. Попробуй, заставь остаться в окопах! А

вы – дисциплина. Фанатики. Сам Насер молится, его по телевизору показывают, и весь народ молится.

Веня несколько лет ежедневно корпел над изданиями Управления – методиками проведения экспертиз импортных партий грузов, поступающих в разные места империи. Благодаря ловкому перу его заметил сам министр и однажды взял в командировку. Вокруг министра, переведенного сюда из таинственных верхов КГБ, был ореол священного ужаса. Но он так не воспринимал этого сурового дядьку с медальным профилем и стеклянными глазами, вел себя с ним как обычно со всеми начальниками, и даже позволял некую непринужденность.

Тот был удивлен, прочитав составленный им отчет о командировке, похожий на драматическое сочинение, но ему понравилось.

Может быть, Веня чем-то приглянулся ему. Понравилась бойкость пера, умение мыслить нестандартно. И брал его с собой в командировки, после чего тот писал ему отчеты, напоминающие художественную прозу, которую он читал с удивлением, но одобрял.

С тех пор Веня был под пеленой дружелюбия и всепрощения, и видел в сотрудниках милых и доброжелательных друзей. К нему относились странно, с каким-то подбострастием. Может быть, все решили, что он особа, приближенная к императору.

3

Первая любовь не забывается. В Вене до сих пор сохранилось ощущение благородства и правдивости высокой и тонкой девушки с бледной аристократической кожей лица, с длинными тонкими руками, которые она естественно элегантно заламывала в такт словам.

Казалось, он не был способен на любовь, которая потрясла бы все существо. В нем стлыла некая "замороженность" души, неизвестно откуда. Как будто боялся открыться, так безопаснее. Видимо, не от жизни одиночки – он ведь совсем не одинок. Наверно, в нем была некая крестьянская закрытость, от предков, крестьян-единоличников, которых загнали в колхозы, разорили или раскулачили и увези в теплушках куда-то в Сибирь, и они привыкли быть суровыми к себе и другим, с жертвенностью на месте сердца. Могли так же сурово вкалывать и работягами, повинующимися понуканиям партии перевыполнять задания, и председателями колхозов, выбивающими трудовни, и вертухаями в лагерях.

В нем явно были гены предков, которые его направляли. Отец был счетоводом, мнившим себя интеллигентом, мать домохозяйкой, всю жизнь вкалывающей, чтобы прокормить семью. Хотя дети померли – от голода после войны, кроме него. Никаких препятствий, чтобы жить, он не видел. Не думал, что власть виновата в драме народа, и не было желания изменить мир, смотрел на все по-телячьи. Виновата человеческая природа, рок, то есть наша история, которая вся шла в войнах, небрежении к человеку. А нынешняя власть – лишь частица этого продолжающегося небрежения к человеку.

Отсюда желание заострить отношения – посмотреть, каков он, люди, на самом деле. Подобно Гоголю в его ««Выбранных местах из переписки с друзьями», где автор его поразил, что не знает общество и хочет «пощупать» его, выпустив «заносчивую, задирающую книгу», «встряхнуть всех» и с помощью их мнений исправить книгу. За что и кляли его современники.

Веня увидел ее на филфаке университета. И слегка обалдел – от ее гибкого тела, с голой полоской талии под заламывающейся кофточкой, исходило голубое сияние. Может быть, это сияла белая кофточка и голубая плиссированная юбка, не знал. Она шла, с сумочкой через плечо, похожая на учительницу, в больших очках в тонкой оправе, которые ей очень шли.

Сразу узнал абстрактную грезу юности. Все его наивные увлечения показались вторичными. Она затронула ту часть его души, что, еще до «замороженных» генов предков, была чиста и невинна. Значит, в нас заложена природой такая дивная встреча? Как мог прожить без этого чуда раньше?

Она из семьи партийного деятеля, после университета стала работать редактором в рекламном издательстве. Она казалась такой женственно серьезной, независимой, что он бы поверил каждому ее слову.

Что могло ее привлечь в иногороднем нищем студенте? Может быть, провинциальная невинность? Впрочем, тогда не было резкого деления на богатых и нищих. Они стали встречаться у ее подруг.

Она не хотела большой свадьбы. Он тоже не любил открываться большому числу людей в этом стыдном деле. Нищему студенту жениться, что подпоясаться.

Свадьбы не было, просто расписались в загсе. Начали жить в ее квартире (родители жили в новой квартире, оставив свою в честь ее поступления в университет), где он и стал «приманком».

В двухкомнатной квартире стоял старинный черный рояль, и была библиотека от ее предков. Тома классиков. «Всемирная новь» 1910 года – о смерти Льва Толстого, смерти сиамского короля и благородстве премьера Франции Бриана, который подавил забастовку железнодорожников, о «новомодных» фасонах платьев до пят и закрытой шеей; рассказы из жизни графов, сражениях и рыцарском благородстве аристократических героев, полет на дирижабле, переезд на автомобилях, похожих на экипажи. Издание Лермонтова 1892 года с безапелляционными утверждениями в предисловии: «...по происхождению шотландец», и о страданиях его убийцы Мартынова. Листал стихи поэта и вспоминал, как жил ими в детстве. Даже в первом дневнике торжественно начертал эпиграф: «Каждый день/ Я сделать бы хотел, как тень/ Великого героя, и понять/ Я не могу, что значит отдыхать». Старые листы, старый мелкий шрифт с «ятями». У него разное восприятие текста, если шрифт разный. И тот самый запретный томик Гоголя с ржавой обложкой «Выбранные места из переписки с друзьями» 1900 года.

Родители Кати жили своей жизнью, хотя издали опекали дочь.

4

...Прошло несколько забитых работой и бытом лет. У Горюновых появился ребенок, лупоглазая дочка Света, вззирающая на папу всем своим маленьким существом. Сначала ему надоедали одни хлопоты вокруг нее. Но потом это ушло, хотелось спать рядом, видеть у лица ее мордочку сонную, и откинутыми, как у зверька, ручками.

От нее не отходил кот Баська, тоже чистое существо, обладающее той же притягательной силой любви. Чем человек отличается от животного? Адам и Ева тоже жили в раю, как животные, без забот, инстинктами, не зная фраз, ибо мысль изреченная есть ложь. Света терпела, мяла кота, но тот терпеливо сносил пытку, видимо, зная, что она ребенок.

Из дневника.

Я сидел в своей спальне-кабинете, делал стенгазету.

Приковыляла Светка, воззрилась на ручку, что я там пишу.

– Ты что там ручкой... дрыгаешь?

Я оттаял, словно и не было обязанностей. И дал ей лист бумаги.

– Давай, ты будешь одной ручкой писать, а я другой, ладно? Что мне нужно, то и буду делать, а ты – что тебе нужно, то и будешь делать.

Она бормотала:

– Здесь я напишу про Мальвину рас-скас. Вот у меня еще есть, где писать. Можно еще здесь написать, досюда и вот еще туда.

Скоро ей надоело, и она поплелась в свою комнату. Там, в центре стены, любимый наш ее портрет в маминой шали, с восторженным взглядом, отрешенно впившимся во что-то удивительное вверху. Она беседовала со своим портретом, играла с ежиком-матросом.

Света жила, как Ева в раю, где сплошь счастье любви к тебе, и можно ничего не делать, или что хочешь. Я погружался в единственный свет, в котором нет ничего беспокоящего, словно здесь достигал полного успокоения, душевного исцеления. Здесь рай, где отношения чисты, и нет вранья, обмана, измен, где хотел бы жить вечно.

Утром она проснулась, села на кровати.

– Уже наступило утро, мама?

– Вставай, лентяйка.

– Мама, мне плохой сон приснился.

– Какой, доченька?

– Мне снилось, что я ножками шла далеко-далеко. Как будто я одна, и ни мамы, ни папы около меня нет.

У нас на глазах появились слезы. Мама схватила ее в объятия. Засмеялась, пересиливая себя, попросила:

– А ну, засмейся.

Та выпучила глаза:

– Гы-гы-гы...

Мама повернулась ко мне:

– От тебя это. Света смеется, и десны видно.

Мама исправляла недостатки ее речи.

- Скажи: три.
- Тли.
- Надо «р» твердо произносить.
- Тры.

———

Бегал за елкой на рынок. Светка рыдала, что не пустили с папой. В очереди слушал разговоры, мол, в деревне не ставят елок дома, у них под окном прекрасные елки, и запах – легкие очищает.

Наряжали елку. Света была в восторге. Она цепляла игрушки на нижние ветки, крутилась. Мы любили елку – из-за нее.

Когда она заснула, наложили у ее кровати подарков.

5

Последний день перед отпуском. Мозг в лихорадке, держит в себе уйму дел: ого, забыл! надо бежать за продуктами для дачи, а рука делает рабочие дела, и от этого туман в голове, и жалко чего-то, и тонкая обида, самолюбие, и предчувствие, что все будет хорошо.

Кадровик повел Веню тайно на спецбазу Курортторга. Боже, что там было! Парное мясо, икра, апельсины...

– Демократия в действии! – торжественно сказал кадровик. – Здесь, вон, чемоданы откладывают для министров и прочих начальников.

Выдали набор праздничных продуктов.

– Ну, я пошел.

И не глядя, ощущая завистливые взгляды сотрудников, Веня решительно ушел, отбросив посторонние мысли.

Купил на Арбате духи для жены, и – домой.

Дома переполох, вещи разбросаны.

Катя молчит – не пришел вовремя упаковываться для переезда на дачу. Она заказала машину.

Закатили с шофером холодильник в машину.

– Лето будет жаркое, сухое, – сказал угрюмый шофер. – Луна. Рога вертикально почти стоят. Это к вёдру. А если бы наклонено, пузом, то дождливо будет.

До дачного поселка полтора часа езды. Поехали в кузове, со Светой на коленях и котом Баськой. Она рада, все вертела головой.

– А объявлять остановку когда будут? (Что-то где-то запомнила).

– Как приедем, так и объявят.

Она захныкала. Остановились попить.

– Цветочков хочу-у!

– Папа, принеси ей одуванчик, – сказала оживленная мама, держа в руках рвущегося за нами кота.

Зажала в кулачке цветы.

– Поехали!

Ее перебрасывали с рук на руки, но она не чувствовала, цепко держась за цветы.

Веня сел в кабину угрюмого шофера. Тот мягкий и стеснительный.

– Да, пшеница скоро побуреет. Скоро косить.

И всю дорогу рассказывал:

– У меня ребенок, мать, жена с сестрой. Я в совхозе тут, в Домодедово работаю. Адская работа, с раннего утра и до ночи, когда роса падет, – в поле. Зато в воскресенье свободен. Отстроил тут такую домину (материал за счет совхоза). Вот только неприятность – сперли рулоны клеенки, на 4 тыщи. В суд подают. Я виноват в том, что утром выехал из парка и не проверил кузов. Что делать? Свербит в душе.

Он подмигнул Вене:

– Да, хомут на себя надел ты. У меня тоже садик. Так приеду с работы, а жена: «Нужно полить!» Поливаешь. Или – угольку надо. Машина своя, привезешь. А весной в воскресенье – целый день топил.

И вздохнул.

– Когда переезжал, приятели смеялись. Тебе в городе нечего было делать. А здесь будешь вертеться сутками, топить да поливать. Сбежишь отсюда, ей-ей...

Помолчали.

– Хорошо тут, лес...

– Да, тут совхоз «Белые листья».

Мелькает речка-ручей Гнилушка, одиноко отблескивающая зарей. Чудесные пузатые семейные дачи под зелеными крышами, спрятанные в зелени садов! Единственный рай, где прячутся от внешних тягот трудящиеся граждане.

Вот и дача, окруженная со всех сторон садовыми участками, – восемь соток, выделенные теще министерством, и деревянный сруб с шиферной крышей, который она строила «своим горбом».

На границе участка справа, за сплошным забором, чтобы сорняки не прошли, стояла соседка, с исплуканным лицом. Показала горсть собранных со смородины больных шариков.

– Значит, так. Надо вам со смородины клеща собрать. Потом листья сгрести.

И удалилась. Катя возмутилась:

– Терпеть не могу. Ради своего сада, чтоб к ним не перешло, на все готова.

– Это кто? – спросила Светка.

– Баба Яга.

Соседка из смежного с Бабой Ягой участка, добрая, опекавшая всех, зашла через калитку.

– Уж эти Плохиши, наши соседи! Хозяйка своего никогда не упустит. Навоз привезли ей, а когда шофер выгрузил, она ему полцены. «Не хочешь, загружай обратно и увози. Понасадила вишен в полуметре от нашей границы. Ну, и я тоже. Она раскричалась, а я спокойненько: «Мои вишни – в метре, а ваши в полуметре». Годами оправлялись под яблони. Вонь такая, что до нас доходила. Ни грамма даже говна у нее не пропадает. Я с ней не ругаюсь – скажу и уйду. Только вот мои доски тают, за стеной с их стороны. Штакетник унесли тоже. Как это можно?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.